

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 140.8

doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-2-8

МОДА НА АУТЕНТИЧНОСТЬ КАК НОВАЯ ФОРМА ОТЧУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

© Людмила Григорьевна Бабахова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

babahova_l@mail.ru

Аннотация. Анализируется проблема отчуждения в аспекте подлинности и неподлинности человеческого существования. Показано, что категории подлинного и неподлинного бытия, используемые в философии экзистенциализма в середине XX в. для описания положения человека в массовом обществе, приобретают новое звучание в современную эпоху. Утверждается, что индивидуализм XXI века утверждает новый императив аутентичности: «Будь собой!», используя риторику освобождения для создания беспрецедентной системы конформизма.

Ключевые слова: отчуждение, аутентичность, индивидуализм, подлинное и неподлинное бытие, потребительский капитализм.

Для цитирования: Бабахова Л.Г. Мода на аутентичность как новая форма отчуждения в современном обществе // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 115. № 2. С. 2-8. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-2-8

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

The authenticity fashion as a new form of alienation in the modern society

© Ludmila G. Babakhova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

babahova_l@mail.ru

Abstract. The problem of alienation in the aspect of authenticity and inauthenticity of human existence is analyzed. It is shown that the categories of authentic and inauthentic being used in the philosophy of existentialism in the middle of the twentieth century. to describe the position of a person in a mass society, they acquire a new meaning in the modern era. It is argued that 21st century individualism asserts a new imperative of authenticity: “Be yourself!” using the rhetoric of liberation to create an unprecedented system of conformity.

Key words: alienation, authenticity, individualism, historical and non-historical events, consumer capitalism.

For citation: Babakhova L.G. The authenticity fashion as a new form of alienation in the modern society. *The Humanities and Social Sciences*. 2026. Vol. 115. No 2. P. 2-8. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-2-8

*«Пустыня ширится сама собою:
горе тому, кто сам в себе
свою пустыню носит»
[8, с. 266]*

Введение

Отчуждение человека от Бога, впервые зафиксированное Ф. Ницше в работе «Веселая наука» словами «Бог мертв» [7], и обозначенное М. Хайдеггером как «онтологическое ничтоже-ствование», в XX в. обернулось для человека, попавшего в водоворот нигилизма, открывшейся перед ним духовной пустотой, представленной различными формами отчуждения. Освободившись от идеи Бога, получив свободу от абсолютов и общепринятых ценностей, задававших общее смысловое единство общества и культуры, человек абсолютизировал свою индивидуаль-

ность и автономность, одновременно, лишив себя твердой почвы под ногами. Отсутствие целостного мировоззрения характеризует современную эпоху как кризисную.

Экзистенциализм, выступив с критикой идеалов эпохи Просвещения, явился самым ярким воплощением настроений XX в., отразившим духовный кризис западноевропейского общества и предложившим новое понимание мира альтернативное марксизму. Около ста лет назад экзистенциализм раскрыл основные вопросы человеческого бытия: страдание, смерть, одиночество, отчуждение человека в мире, в котором отсутствуют абсолютные ценности. Феномен отчуждения анализируется в экзистенциализме в оптике подлинных и неподлинных способов человеческого существования. Экзистенциалисты рассматривали феномен отчуждения в массовом обществе, которое унифицирует и обезличивает человека, насколько данная тема актуальна в современном информационном обществе, где индивидуализм выступает главной ценностью, а технические и цифровые средства, дают индивиду чувство свободы и полной независимости.

Обсуждение

В рассмотрении темы подлинного и неподлинного способов существования экзистенциализм отталкивается от философских взглядов датского религиозного мыслителя С. Кьеркегора, учение которого было направлено против гегелевского идеализма, в котором всеобщее настолько поглощало единичное, что отдельный единичный человек выступал лишь моментом, в развитии абсолютного духа. Если достижение человеком свободы Гегель видел только в развитии разума, в познании необходимости, которое снимает противоположность субъекта и объекта, то Кьеркегор полагает, что свободу не только нельзя постичь посредством разума, но что и сам разум является злейшим врагом свободы. Именно разум и создает царство необходимости, из которого нет выхода, так как здесь отсутствует сама возможность выбора. Только вера в Бога, как вера в чудо может спасти человека от отчаяния, в которое он впадает, когда разум отрицает возможность спасения. Согласно Кьеркегору, только вера как акт воли может открыть для человека путь к спасению.

Под отчуждением Кьеркегор понимает духовное отчуждение человека от Бога, которое является болезнью эпохи, захваченной эстетическим существованием [3]. Причины отчуждения Кьеркегор видит господстве абстрактного мышления, далекого от экзистенциальных забот и переживаний. Согласно мыслителю, отчуждение извращает внутренний мир человека. Выход из сложившейся ситуации Кьеркегор полагал в возвращении человека к Богу, что может дать духовная самоизоляция индивида. Снятие отчуждения как выход человека из царства необходимости и достижение подлинного бытия возможно лишь через самопознание внутреннего Я и осознание своей зависимости от Бога, которое можно постичь только в одиночестве и среди одиноких.

В отечественной философской традиции термин отчуждение, как правило, связывают с марксистской философией. К. Маркс придал проблеме отчуждения конкретный социальный смысл. Причину препятствий развитию человеческой свободы Маркс видел в конкретных общественных отношениях, складывающихся в капиталистическом обществе, при которых рабочий низводится до степени товара, а отношения между людьми становятся «вещными отношениями», т.е. определяются отношениями между вещами. Критикуя гегелевское решение проблемы свободы, Маркс показал, что познание человеком необходимости не является достижением реальной свободы, для снятия отчуждения недостаточно познать действительность, ее необходимо изменить.

Связав появление отчуждения с возникновением частной собственности и разделением труда, Маркс вскрыл их внутреннюю противоречивость. С одной стороны, труд служит развитию индивидуальных сил и способностей человека, а, с другой, создает условия «искажения» его родовой жизни. Чем больше товаров создает рабочий, тем беднее он становится. Прямо пропорционально росту стоимости вещей растет обесценивание человеческого мира. Труд приобретает внешнее, независимое по отношению к рабочему существование, выступая как принудительный труд, как чуждая, противостоящая ему враждебная, самостоятельная сила.

Принудительный труд не реализует саму потребность человека в труде, а является лишь средством для удовлетворения других потребностей. Человек сам становится средством для воплощения какой-то частичной функции. Поэтому, как отмечает Маркс, «отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда, бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание» [6, с. 84]. Таким образом, «отчужденный труд человека, отчуждая от него 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым, отчуждает от человека род: он превращает для человека родовую жизнь в средство для поддержания индивидуальной жизни» [6, с. 87].

Согласно марксистской концепции, в результате отчуждения труда, рабочий становится средством производства прибавочной стоимости, он больше не осуществляет свои цели, а лишь цели другого. Отчуждение труда вызывает к жизни и другие многообразные виды отчуждения, в результате которых происходит «овеществление» человека.

Причину овеществления, согласно Марксу, можно устранить, установив господство человека над случайностью и теми отношениями, которые закрепили людей, «действительное освобождение невозможно осуществить иначе, как в действительном мире и действительными средствами... «Освобождение» есть историческое дело, а не дело мысли, и к нему приведут исторические отношения, состояние промышленности, торговли, земледелия, общения» [5, с. 21–22], такое освобождение соответствует построению общества на коммунистических началах.

Таким образом, показав отчуждение человека в капиталистическом обществе, марксизм не видел источником отчуждения оторванность человека от трансцендентного. Причины отчуждения, согласно Марксу, кроются в самих капиталистических производственных отношениях, извращающих труд как основу общества. Философская мысль XX века рассматривает феномен отчуждения как сущностную характеристику человеческого бытия, лишенного своих трансцендентных оснований. Отчуждение понимается как неустранимый момент человеческой жизни.

В философии экзистенциализма отчуждение становится фундаментальным понятием, а человеческое существование, понимается как уже изначально отмеченное драмой бытия. Лишившись своей извечной сущности, индивид обречен на постоянное испытание свободой. Но эта свобода содержит в себе возможность отчуждения, так как, выбирая человек, может потерять себя, сделав неправильный выбор. С новой силой звучат идеи страха, отчаяния, «заброшенности человека» в чуждое ему бытие, разрушения смыслового единства мира, а, самое главное, разочарования в господстве разума, в безграничных силах рационализма.

Об отчуждении человека от Бога говорит К. Ясперс, указывая, что современный человек, оказывается оторванным от своих корней, изменяются сами условия его существования, мир теряет свою осмысленность, вызывая чувство беспомощности и покинутости. «Распространилось сознание того, что все стало несостоятельным; нет ничего, что не вызывало бы сомнения, ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Тот, кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности» [10, с. 296]. С потерей смысла человек поглощается средствами своего бытия.

Ясперс описывает процесс отчуждения через потерю человеком «субстанциональной общности», которая обеспечивала прочные основы бытия (веру, традицию, нравственность) и давала человеку чувство защищенности, ощущение своей подлинности и необходимости.

Пытаясь выявить глубинные истоки духовного кризиса, К. Ясперс указывает, что процесс разбожествления мира достигает своего наивысшего проявления в том момент, когда сомнение устранило Бога-Творца, оставив лишь его механизированный образ. «Смерть Бога» как гаранта объективного порядка, смысла и морали, придававшего устойчивость и ценность всему сущему, аннигилирует и всю систему истин, основанных на этом абсолюте, превращая ценности в чело-векоразмерные и, следовательно, условные. С распространением нигилизма в качестве

господствующего типа мышления, религия становится делом выбора человека, пытающегося найти основания в себе самом.

С потерей субстанциональности, человек организует свою связь с другими людьми на функциональной основе, определяемой его положением внутри социального механизма. Раскрывшуюся после «смерти Бога» пустоту, человек пытается восполнить суррогатами субстанциональности: «общим сегодня является не человеческое бытие как всепроникающий дух, а расхожие мысли и лозунги, средства сообщения и развлечения. Они образуют воду, в которой плавают, а не субстанцию, быть частью которой означает бытие» [10, с. 302].

По замечанию Ясперса, главное, что должен уметь современный индивид – это рационально действовать, а не рассуждать о смысле. Индивид распадается на ряд функций, которые предписаны его ролью в обществе, «быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена. Отдельный человек живет, как сознание социального бытия... Он мыслит свое бытие только как «мы» [10, с. 309].

В преобладающем неподлинном существовании представление о собственной жизни фрагментируется и распадается на отдельные мгновения, которые фиксируются в памяти как последовательность принятия решений, фрагментация приводит к поверхностному восприятию действительности. Таким образом, в результате разбожествления мира были отвергнуты прежние авторитеты и идеалы, человеку не осталось ничего, кроме сознания утраты подлинного бытия. Потеряв единение с Богом, человек желает обрести единение с другими через свое обезличивание. Но такое единение есть только «утрата субстанциональности».

М. Хайдеггер, раскрывает отчуждение как форму существования человека в «неподлинном» мире обезличенной повседневности. В совместном бытии перед человеком всегда стоит задача, как не потерять себя, как остаться самим собой. Согласно Хайдеггеру, подлинность и неподлинность – это два равно реальных бытийных модуса, поэтому неподлинное бытие коренится в самой структуре «заботы», преодолеть его невозможно и даже бессмысленно.

Принимая один из модусов времени – прошлое, настоящее или будущее, человек может сосредоточиться именно на настоящем, заслоняющем от него его смертность, несобственном бытии, при котором его бытие целиком поглощается вещественно-природной или социальной средой. В этом случае происходит забвение уникальности, открывающее путь к несобственному усредненному существованию: как все. Либо вырваться из сферы обыденного, выбрать модус будущего, в котором человеческое бытие есть всегда собственная возможность – «проект», который надлежит исполнить.

Неподлинное, «отчужденное» бытие человека характеризуется специфической структурой его отношений с другими людьми. В состоянии отчуждения человек понимает себя как сущее, как вещь, что закрывает для него саму возможность подлинного бытия. В неподлинном существовании человек перестает быть собой. Рассматривая себя как сущее на ряду с другими, человек становится взаимозамещаемым. При таком взгляде «другой» понимается уже не как определенный человек, а как «любой другой» – нечто среднее, «das Man».

Усредненность относит человека к публичности, которая есть «никто». «Каждый оказывается другой и никто не он сам. *Человек*, отвечающий на вопрос о *кто* обыденного присутствия, есть тот *никто*, кому всякое присутствие в его бытии-друг-среди-друга себя уже выдало» [9, с. 152]. Получается, что в повседневном бытии с другими человек сам стремится не быть собой, выбирая «бегство» от самого себя и, желая стать частью «несобственного». Таким образом, «самость повседневного присутствия есть *человеко-самость*, которую мы отличаем от *собственной*, т.е. собственно взятой на себя *самости*» [9, с. 153].

Согласно Хайдеггеру, такая потребность в самоотчуждении от бытия самости вытекает из экзистенциального страха перед Ничто: человек бежит в «Man», так как безличное существование не знает смерти. Способ бытия «Man» вырождается в «толки», «любопытство», «двусмысленность», каждый рассматривает другого как «сподручного» и, в итоге, человек полностью поглощается миром и совместным бытием других в усредненности, публичности. Вывести человека из-под власти «усредненного», «неподлинного» может только страх перед смертью, кото-

рый раскрывает «чистую возможность бытия» человека, выражающуюся в его одиночестве, обособленности.

Именно страх, «предвосхищающее» понимание смерти может помочь человеку преодолеть падение в «неподлинность» его повседневного бытия. Если страх есть переживание, которое вводит в «подлинное» бытие, то «бытие к смерти» есть уже реализация «собственного» бытия. Сохранение аутентичности собственного существования может быть достигнуто на пути осознания своей конечности. Человек мог бы полностью раствориться в «Man», однако, сознавая свою конечность, человек открывает смысл бытия и устремляется к «собственному существованию», к бытию самостью, к выбору самого себя.

Таким образом, экзистенциализм рассматривал отчуждение как сущностную характеристику бытия человека в массовом обществе, а его преодоление видел в индивидуальном выборе своего собственного существования. К 90-м гг. XX в. индивидуализм становится одной из основных ценностей западного общества, утвердив самоценность человеческой индивидуальности. Можно ли считать, что утверждение индивидуализма является преодолением отчуждения в современном обществе?

Учение А. Грамши о гегемонии, разработанном в начале XX в., как манипуляции общественным сознанием с помощью «здорового смысла» и ненасильственного принуждения к определенному образу мыслей и поведению в интересах доминирующих социальных групп [1], не теряет своей актуальности, для объяснения современного общества. Установление гегемонии потребительского капитализма происходит с помощью изменения мировоззренческих оснований культуры, посредством внедрения в общественное сознание гедонистического образа жизни, в котором наслаждение становится синонимом свободы и аутентичности бытия.

Гегемония потребительского капитализма создается и транслируется средствами массовой информации и культурой, выступая «мягкой силой» ненасильственного принуждения, формирующей общественное мнение, и поддерживающей господство капиталистической системы. С помощью маркетинга, рекламы, средств массовой информации потребительская идеология насаждаёт единственно правильный и желанный образ жизни, обещающий индивиду счастливую жизнь в индивидуально сконструированном подлинном бытии.

Как мы видели М. Хайдеггер определял неподлинность как выбор чужих бытийных проектов в качестве собственных. «Мы наслаждаемся и веселимся, как люди веселятся; мы читаем, смотрим и судим о литературе и искусстве, как люди смотрят и судят; но мы и отшатываемся от «толпы», как люди отшатываются; мы находим «возмутительным», что люди находят возмутительным» [9, с. 151]. В неподлинном модусе существования индивид живет по меркам анонимного «das Man», попадая под «диктатуру других». Выделенный Хайдеггером неподлинный модус существования, на современной стадии развития потребительского капитализма, получает свое содержательное наполнение образами «подлинного бытия», предлагаемыми потребительской идеологией, утверждающей поиск аутентичности в качестве модного тренда современного общества. Неподлинность принимает форму нарциссической озабоченности собой, которая продиктована логикой «индивидуальности как товара».

Парадоксальным образом мода на аутентичность становится новой формой отчуждения, при которой происходит отчуждение от самой аутентичности, «диктатура других» заменяется «диктатурой аутентичности». Стремление к подлинности, которое у Хайдеггера требовало от человека решимости и осознания своего бытия как «бытия к смерти» заменяется историями, рассказываемыми в соцсетях о переосмыслении себя, в результате прохождения курсов коучинга, терапии и т.п. Аутентичность становится перформансом, спектаклем, разыгрываемым перед потребителями социальными сетями, рекламными слоганами и брендами, призывающими через покупку товара или услуги обрести «подлинность», стать «настоящим», потому что, «ты этого достоин!»

Как отмечает Ги Дебор, «спектакль, оборачивающий реальное, в действительности является произведенным. В то же время, переживаемая действительность материально заполняется созерцанием спектакля и в себе самой воспроизводит зрительный порядок... В реально обращен-

ном мире истинное есть момент ложного» [2, с. 34]. Таким образом, аутентичность становится товаром или стилем жизни наряду с другими, например, как носить сумочку, определенной фирмы. Если политическая экономия, во времена Маркса рассматривала пролетария только в качестве рабочего, доход которого должен был обеспечивать его потребности в «еде и жилище», то на стадии развития потребительского капитализма, увидела его в новом качестве, «этот рабочий, внезапно отмытый от тотального презрения... явно обнаруживает, что в качестве потребителя с ним с впечатляющей вежливостью обращаются как с важной персоной... «завершившееся отрицание человека» берет под свой контроль всю полноту человеческого существования» [2, с. 54]. Рабочий потребляет свое отчуждение в форме развлечений. Жизнь превращается в спектакль, в котором подлинная реальность и человеческие отношения замещаются их симулякрами, сфабрикованными стилями жизни, распространяемыми рекламой, телевидением, соцсетями, которые предлагают образы подлинной идентичности.

Характеризуя современное общество как «модное» Ж. Липовецки отмечает тот факт, что в современную эпоху мода становится основополагающим принципом социального развития, пронизывая различные сферы общественной жизни [4]. Рынок образов, созданный индустрией аутентичности, в котором создаются и тиражируются посредством моды, дизайна, рекламы и развлечений стили жизни, обещает своему потребителю, обретение подлинного я.

Отсюда, по мнению Ж. Липовецки, наблюдается тенденция роста увлечения самопознанием, повсеместное распространение получают как телесные, так и духовные практики самоусовершенствования, такие как восточная медитация, йога, психоанализ, превращаясь в модные тренды. Аутентичность подменяется культом самовыражения, личного комфорта и успешности. Стремление к самореализации и подлинному бытию, получает статус социального долга. Рекламные слоганы: «Будь собой!», «Обрети свою самость!» – выступают общественным императивом, аутентичность становится желанным товаром, который коммерциализируется, упаковывается и предлагается на рынке как новый тренд.

Для современного общества характерна тенденция превалирования эстетической стадии существования, выделенной С. Кьеркегором. Образ жизни эстетика, описанного С. Кьеркегором в XIX веке, становится нормой в XXI. Эстетический человек живет ради непосредственного наслаждения, перепрыгивая от одного наслаждения к другому. Современный эстетик открывает для себя «аутентичность» как самый модный источник наслаждения. Соцсети становятся фабрикой по производству эстетического опыта, упакованного в формы потребления: гаджеты, курсы саморазвития, стиль жизни, туризм, развлечения.

В современном обществе все подчиняется логике моды, включая саму критику этой системы. Любая попытка найти «подлинное я» или «настоящую жизнь», а также любые формы протеста, упаковываются в товар и выставляются на продажу как новый тренд, то, что еще вчера воспринималось как бунт – сегодня становится мейнстримом. Таким образом, механизм моды делает сам акт бунта и поиска аутентичности очередным стилем, воспроизводящим существующую систему. Например, вы делаете фото утреннего беспорядка на кухне для соцсети, разбрасывая вещи и выставляя свет по всем правилам светотени, создавая образ «естественности», который затем станет распространенным и широко одобряемым новым стандартом. Или размещаете фото вашего участия в акции протеста, как образ вашей причастности к данному действию, вы инсценируете «образ реальности», соответствующий идеальному медийному образу и ожидаете «лайков» в качестве одобрения, превращая реальный политический акт в элемент вашего личного бренда, в спектакль гражданской позиции.

С «утратой субстанции», о которой говорил К. Ясперс, мода на аутентичность становится отчаянной попыткой вернуть утраченный смысл, заполнить духовную пустоту. Однако эта попытка представляется тщетной, т.к. система капитализма, изначально задавшая условия для тотального отчуждения, в результате которого человек испытывает экзистенциальную тоску по чему-то «настоящему», монетизирует эту тоску по смыслу, предлагая товары-суррогаты, из которых самым востребованным становится сама «аутентичность». Духовный вакуум, образовавшийся после «смерти Бога», следуя логике потребительского капи-

тализма, заполняется ценностями славы, спектакля и потребления, превращая духовный кризис в массовое развлечение. Мода на аутентичность становится новой формой отчуждения, которое ощущается как свобода и самовыражение.

Список источников

1. *Грамши А.* Тюремные тетради // Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959. 570 с.
2. *Дебор Ги.* Общество спектакля. М.: АСТ, 2023. 320 с.
3. *Кьеркегор С.* Или – или. Фрагмент из жизни. В 2 ч. СПб.: Изд-во Русской Гуманитарной Христианской Академии: Амфора, 2011. 823 с.
4. *Липовецкий Ж.* Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. XVI. 574 с.
6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: АСТ, 2023. 224 с.
7. *Ницше Ф.* Веселая наука. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 352 с.
8. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 1040 с.
9. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 509 с.
10. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 414 с.

References

1. *Gramsci A.* Prison notebooks // Selected works. In 3 volumes, vol. 3. M.: Publishing House of Foreign Literature, 1959. 570 p.
2. *Deborah Guy.* The Society of the spectacle. M.: AST, 2023. 320 p.
3. *Kierkegaard S.* Either–or. A fragment from life. In two part. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Humanitarian Christian Academy: Amphora, 2011. 823 p.
4. *Lipovetsky J.* The Empire of the ephemeral. Fashion and its fate in modern society. M.: New Literary Review, 2012. 336 p.
5. *Marx K., Engels F.* German ideology. M.: Politizdat, 1988. XVI. 574 p.
6. *Marx K.* Economic and philosophical manuscripts of 1844, M.: AST, 2023. 224 p.
7. *Nietzsche F.* Veselaya nauka, St. Petersburg: ABC, ABC-Atticus, 2023. 352 p.
8. *Nietzsche F.* Thus spoke Zarathustra // *Nietzsche F.* Thus spoke Zarathustra. Towards the genealogy of Morali. The birth of tragedy. The will to power. Posthumous aphorisms. Minsk: Harvest; M.: AST, 2000. 1040 p.
9. *Heidegger M.* Being and time. Kharkiv: Folio, 2003. 509 p.
10. *Jaspers K.* The spiritual situation of the time // *Jaspers K.* The meaning and purpose of history. M.: Politizdat, 1991. 414 p.

Статья поступила в редакцию 18.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 02.02.2026.

The article was submitted 18.01.2026; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 02.02.2026.